

действий, становится причиной неэффективности и падения мотивированности действий. Предметный страх мобилизует на преодоление трудностей, а беспредметный лишает личность активности или же приводит к панической суете. При мотивировании с использованием эмоции страха, границы опасности должны быть четкими, суть опасности ясна. В противном случае опасная неопределенность вызовет фрустрацию и мотивация преодоления будет низкой. А в условиях кризиса именно мотивация преодоления является необходимым условием продуктивности любой деятельности.

УДК 81'33, 37.01

Шиннерль М.

Главный администратор международных программ и проектов,
Институт содействия интеллектуальным интеграциям IFIE,
Австрия, г.Вена

E-mail: michaela.schinnerl@gmail.com

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФЕМИНИСТСКОЙ
ЛИНГВИСТИКИ В РОССИИ И ЕЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье раскрываются направления интенсивных исследований гендерных вопросов и рассмотрения женщин в немецко-говорящих странах. Также рассматриваются тенденции развития исследования данного направления в российской науке, в том числе в отношении образовательных аспектов.

Ключевые слова: феминистская / гендер(ная) лингвистика, женский вопрос, гендерные исследования, историческое развитие феминизма, социолингвистика, три волны феминизма, педагогический аспект, гендерные исследования в педагогике.

Schinnerl M.

Chief Administrator of International Programs and Projects,
Austrian Institute to promote intelligent integration (Vienna, Austria)

E-mail: michaela.schinnerl@gmail.com

**THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF FEMINIST LINGUISTICS IN
RUSSIA AND ITS PEDAGOGICAL ASPECT**

Abstract. The article reveals the direction of intensive studies of gender and consideration of women in the German-speaking countries. It also discusses trends in the development of this direction of research in the Russian science, including in relation to educational aspects.

Key words: feminist linguistics, women's issue, gender studies, historical evolution of feminism, sociolinguistics, three waves of feminism, the pedagogical aspect of gender studies in pedagogy

Начало западного женского движения ведет в эпоху Просвещения, когда люди начали говорить о равенстве всех людей. Это требование также напоминает о времени Французской Революции, когда был провозглашен тот призыв. Права граждан должны применяться не только к мужчинам, но и к женщинам. Важную роль сыграла француженка Олимпия де Гуж и ее *Déclaration des droits de la Femme et de la Citoyenne* (Декларация прав женщин и гражданок) в 1791 г.

Что касается истории женского движения и феминизма, чаще всего говорят о трех волнах, которые сформировались в США и Западной Европе. В дальнейшем приведен обзор истории женского движения, при котором развернулась новая исследуемая область феминистской лингвистики. В литературе по феминистской

лингвистике постоянно упоминают, что уже хорошо разработан раздел социолингвистики, который получил признание второй волны феминизма [3, стр. 3]. Однако редко объясняют, какие это именно периоды и какими ключевыми историческими данными они связаны. Ниже приводится краткое изложение исторического развития женского движения на Западе. Считается полезным для того, чтобы лучше понять развитие феминизма в России. В основном, однако, следует отметить, что в науке мало согласия относительно того, где должна начинаться волна, где она заканчивается и – в итоге – что именно она вызывает. Но, в общем, речь пойдет о понимании, что, по мнению большинства исследователей, является «универсальным».

Женское движение и развитие феминизма являются не единичными движениями и убеждениями, а широким диапазоном требований, взглядов и способов мышления. Само понятие феминизма, которое было введено в 1880 году французкой Убертин Оклер (Hubertine Auclert), является спорным и не во всех культурах и языках имеет положительную коннотацию. Например, в русском языке означает что-то радикальное, почти негатив (Gerhard, 2012), особенно по отношению к западной концепции феминизма.

Первая волна феминизма и, следовательно, начало женского движения датируется концом 19-го века, в то время как начало 20-го века является концом этого движения. Появление урбанизации и промышленной революции, как и новых социальных движений, связанных с политикой и обществом, вносили свой вклад в общественную дискуссию о, так называемых, «женских проблемах». Прежде всего, центральной темой женщин в то время было разрушение юридических барьеров. Одним из основных требований – получить право голосовать и свободный доступ к университетам. Конвенция Сенека-Фолс (Seneca-Falls Convention) в США в 1848 году, рассматривается как формальная отправная точка женского движения, которая впервые и написала и сформулировала свои цели. Требовали права голоса для женщин, и реформы брачных и имущественных прав. Женские журналы вскоре появились также в Германии и Франции, это привело к созданию объединений для женщин (Thaler, 2012). Эти борющиеся женщины контрастировали с классическими викторианскими дамами, которых называли ангелами домашнего хозяйства, и которым нельзя было в обществе демонстрировать свое собственное мнение (Rampton, 2008). Однако работа многих из этих движений женщин вскоре была приостановлена, а их требования не были реализованы. Правда, избирательное право для женщин было узаконено в 1918 г. в большинстве западных стран, в том числе Австрии и Германии.

Во время Второй Мировой Войны руководство женских ассоциаций было запрещено во многих странах, феминистские движения были приостановлены и больше не были услышаны. После окончания Второй Мировой Войны началась реконструкция женских юридических ассоциаций, а Симон де Бовуар и ее работа «Второй пол» с 1949 года снова привлекли внимание к феминистскому движению. Таким образом, в начале 1960-х г. развивалась вторая волна феминизма, которая закончилась в 1990-м году. Благодаря этой волне, женщины стали темой в политике, культуре и науке. Феминистская лингвистика со своими требованиями, касающимися языка, сформировалась из второй волны, потому что в ходе этого второго женского движения в первый раз обсуждалась взаимосвязь между властью, патриархатом и языком. Эта волна является также связанной со всеми отрицательными ассоциациями, которые присущи феминизму: неженственность, короткие волосы, мужское поведение и т.д. Кроме того, по сравнению с первой волной, вторая волна феминизма была классифицирована радикальнее, потому что традиционные ценности женственности были отклонены. Что касается тематики, то речь особенно шла о праве женщин на сексуальность и личный выбор в вопросах продолжения рода (англ. *reproductive rights*), возможность аборта и искусственного оплодотворения. Тело женщины и ее права на него являлись центром внимания. Это было реализовано с помощью демонстраций

против поверхностных конкурсов красоты и демонстративного уничтожения предметов, таких как, туфли на высоком каблуке и кружевное нижнее белье, которые определяют женщин только по их внешнему виду. Такие рекламные мероприятия также привели к повышенному теоретизированию женского движения и даже разделению пола (англ. sex) на биологический пол и род/гендер (англ. gender) как социально построенный (грамматический) пол. Совместная цель американского женского движения явилась добавлением законодательной новеллы к конституции о равенстве между мужчиной и женщиной, но это не было достигнуто.

В середине 1990-х гг. началась третья волна феминизма, которая получила свое теоретическое обоснование в основном из постколониальных исследований и постмодернизма. В частности, речь шла и все еще идет о новом определении терминов, таких как тела, пола и сексуальности. Поэтому обращают внимание на неоднозначность, множественность и перформативность идентичностей в глобализованном мире, в котором не только белые, гетеросексуальные мужчины и женщины получают признание, но и транснациональные, поликультурные и многонациональные люди с разными образами жизни и сексуальными ориентациями. Что касается успеха женского движения, то можно сказать в заключение, что законы были приняты, чтобы обеспечить женщинам в основном юридическое равенство; образовательные возможности доступны и для девочек, и для мальчиков. Феминистская работа, которая ведется сегодня, борется против более тонких несправедливостей, например, в тех случаях, когда законы женского права сознательно обходятся и пострадавшие женщины лишаются успеха (Schmölzer, 1999).

Феминистская лингвистика относится к социолингвистике, так как она до сих пор не признана независимой исследуемой областью. Ее задача состоит в исследовании средств классификации (мужской - женский) языка и того, в какой степени это происходит. Поэтому изучение «женских вопросов» в рамках лингвистики основано на предположении, что язык отражает социальные отношения и, следовательно, различное положение женщин и мужчин должно иметь последствие для языковых структур, систем и речевого поведения [16, с. 22]. Эта лингвистическая дисциплина придает особое значение показаниям отрицательной представленности женщин в языке, которая в частности следует из-за всеобщего использования мужского рода для женщин (например: *студенты* для мужских и женских изучаемых). В лучшем случае удастся это изменить или улучшить. Так как, хотя всеобщее использование мужского рода к женщинам имеет место быть, они стали невидимыми. Центральным вопросом исследования феминистской лингвистики в настоящее время является последствие неравного социального статуса мужчин и женщин в наших патриархальных структурированных общественных системах как социальное явление в языке [17, с. 499]. Так спрашивается, если без упоминания и указания женщин вследствие всеобщего использования мужского рода следует их несоблюдение? Здесь надо отметить, что в английских и немецкоговорящих странах, гендерная лингвистика уже может оглянуться на давнюю традицию и выпускает публикации на различные темы. Вопросы феминистской лингвистики относятся преимущественно к различным языковым формам полов, речевому поведению, поведению прослушивания и различным стандартам для мужчин и женщин [16, с. 36].

В отличие от российской гендерной лингвистики, которая все еще находится в младенчестве, в 1998 году в немецкой феминистской лингвистике уже появилась публикация сборника под названием *Феминистская лингвистика - Лингвистические гендерные исследования: результаты, последствия, перспективы* (Шёнтал/Schönthal), который предполагает, что такие традиции существовали уже пятнадцать лет назад, и можно было сослаться на эти издания. Таким образом, не кажется удивительным, что в западных исследованиях в этой области существует широкий консенсус относительно необходимости новых методов наблюдения языка и критериев их оценки, что помогает

измерить и обнаружить влияние биологического или социального пола на речевое поведение [17, с. 41].

Женское движение и возникновение феминизма в России приняло совершенно другой оборот и другие масштабы, чем на Западе. Сложившаяся ситуация коммунистической власти в России с момента первых десятилетий 20-го века вызвала совершенно другое развитие – так называемый «женский вопрос». Равенство полов было предписано государством и официально реализовано. Поскольку не существовало никакого неравенства в юридическом смысле, разумеется, что для исследователей не было никаких оснований искать их в языке. Поэтому о феминистской лингвистике долго не могло быть речи. Ранний феминизм начался в середине 19-го века и продолжался до Октябрьской Революции 1917-го года [9, с.291]. Особое значение для женщины играли обеспечение доступа к образованию, политическое равенство и избирательное право. Последовательно можно провести параллели между российскими и западными развитиями, в которых в первой волне феминизма и юридические вопросы были в центре внимания. После этого, однако, как правило, говорят о различиях между двумя способами феминизма. Из-за хаотических условий в первых десятилетиях 20-го века (см. Октябрьская Революция, Гражданская Война и т.д.), которые потрясли Россию, попытки эмансипации со стороны женщин, которые в начале века являлись вполне узнаваемыми и важными, были ограничены [9, с.292]. В Советском Союзе женский вопрос тогда был «решен» на законных основаниях. Таким образом, уже в 1918-ом году в партийных органах потребовались женские отделы/ Женотделы, целью которых стала реализация теоретической концепции эмансипации. Годель, в частности, упоминает, что экономическая или профессиональная интеграция женщин в жизнь в качестве важной меры по обеспечению гендерного равенства вызвала лишь поверхностное гендерное равенство, так как реализующие концепции были взяты под контроль партии и переведены согласно «мужским стандартам ценностей», не подразумевали решение социальных или семейных проблем, а лишь включение женщин в состав рабочей силы [9, с. 22]. В соответствии с Годелем, в 1920-х гг. (там же) задумались о возможных ролях гендерных стереотипов и отклонили концепции женственности прошлого века.

При Сталине, женские отделы были упразднены, так как «социализм реализован и, таким образом, освобождение женщин достигнуто» [10, с. 112]. Поскольку женщинам теперь позволили работать, они были включены в экономические планы государства, женский вопрос официально считался завершенным. Теперь в партии и обществе снова преобладало мужское доминирование. «Большевистская политика эмансипации» понималась как чисто экономическая. В семье по-прежнему преобладала классическая роль и в результате двойное бремя женщин как работница и мать/домохозяйка). Эта «многократная нагрузка» воспринимались как социально принятая, нормальная и «естественная» для женщины [9, с. 23]. Произошел повторный возврат к традиционным гендерным стереотипам (установлено путем присуждения медали «многодетным матерям» [10, с. 112], то, что в центре стереотипного представления женственности находилась женщина, основная роль которой сводилась к роли матери), было очевидно, но не могло быть рассмотрено в рамках тогдашних ограничительных социальных обстоятельств. Тем не менее, традиция женских отделов в, так называемых, женских советах продолжалась, чтобы информировать женщин о возможностях работы и участия. Женский совет подчинялся «Комитету советских женщин», который стал «контактным, совещательным и координированным органом» [9, с. 25]. При Хрущеве (1953-1964) женские движения приобретали все большее значение, так как в определенном объеме им дали свободу для выполнения своих собственных проектов, которые в целом должны были способствовать полной реализации коммунизма [9, с. 26; 10, с. 113]. Интересно, что Женсоветы вновь потеряли важность в консервативное время Брежнева (1964-1982), и только во время Горбачева, с

1986-го года, женское движение снова достигло ренессанса. Таким образом, женский вопрос особенно во время открытия и мягкого политического руководства в Советском Союзе был форсирован. Тем не менее, к женским ассоциациям со стороны населения всегда было скептическое отношение, которое до определенной степени сохранилось и по сей день, так как гендерно-нейтральные организации считают более важными [9, с. 27].

После распада Советского Союза дело дошло до фундаментальных изменений в политике, экономике, а также что касается положения женщин. Они подвергались экономическому спаду и исчезновению политических идеологий, пришлось научиться справляться с новыми социально-политическими обстоятельствами [9, с. 28]. Ухудшение экономических условий и возросшая конкуренция в формирующейся рыночной экономике, привели к «усиленной дискриминации [женщин] во всех сферах жизни». Из-за увеличения неравенства в обществе и политике, дело дошло до формулирования проблем женщин и до попытки их реализации. Речь особенно шла о том, чтобы бросить многолетние, старые структуры власти и освободиться от патриархального мира.

Во время бедности и политического хаоса радикально изменился способ представления женского вопроса: пока в Советском Союзе диктовались участие в мире труда «сверху», потом женские организации должны были возникать «снизу», чтобы добиваться своих целей. Следовательно, в это время люди опять вернулись к традиционным структурам, в которых мужчина играет роль поставщика, а женщина занимается материнством и домашним хозяйством [9, с. 29]. Тот факт, что женщинам российского общества не понравились феминизм и эмансипация, связан с тройным бременем трудового стажа, домашнего хозяйства и семьи, потому что им надо было организовать детские учреждения, в то время как отсутствие социальных услуг осложняло жизнь после распада Советского Союза. Кроме того, по мнению российских феминисток, является необходимым оставаться женщиной, в противоположность западным коллегам.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, в ходе 1990-х годов появлялось все больше и больше женских организаций, которым Гарстенауер посвящает свою книгу «Гендерные исследования в Москве: опыт, деятельность и академии» (Garstenauer, 2010). Развивались совершенно новый диалог и сотрудничество между государственными органами и неправительственными организациями), которые занимались проблемами женщин, такими как «отсутствие участия в развивающихся структурах рыночной экономики, профессиональная сегрегация, неконкурентоспособность на рынке труда, дискриминация зарплаты и рост безработицы». Стало очевидным, что в новой, постсоветской России, не преобладало равноправие, также не советский метод, продиктованный идеологией (например, выполнение квоты). А гендерное равенство, которое в демократии должно бы играть существенную роль, обсуждалось только на периферии. Кроме того, в промежуточный период женщины редко занимали высокие должности в политике и экономике. Поэтому в 1993 г. было основано политическое движение «Женщины России», которое добилось успехов, например, 8,3% голосов на выборах в Госдуме в 1993 г. В 1995 году, однако, на следующих выборах, «Женщинам России» пришлось потерпеть сокрушительное поражение, которое означало, что они больше не могли принять участие на выборах в качестве политической партии. Несмотря на это они не прекратили работу по улучшению социально-политической ситуации женщин [9].

Прежде всего, политическая ситуация в России является очень несбалансированной и патриархальной, а число женщин на высших должностях остается низким (в Государственной Думе составляет 14% [25]). Кроме того, по-прежнему существует большой скепсис по отношению к феминистским образам женщин на Западе. Кроме того, кажется интересным, что российские феминистки

никогда не занимались физическими проблемами, такими как воспроизведение и сексуальность, но очень удобным социальным конструктом гендера. Здесь важным является определенный самостоятельно русский путь этого исследования. Эмансипация по западному идеалу в России часто связана с падением женственности и отказом от высоких каблуков и макияжа в пользу кроссовок, джинсов и коротких волос. Патриархальные ценности российского общества коренятся не только в православных религиозных идеях, но и в таких произведениях, как *Домострой* 16-го века, в котором глава дома получает правила для православной жизни, подтверждающиеся и продолжающиеся четкие иерархические гендерные роли [9, с. 174]. В современной России очевидно существует много проблем, которые оправдывают продолжение занятия гендерными вопросами.

Хотя западные и восточные понятия феминизма критикуют друг друга и частично конкурируют друг с другом, они возвращаются к одной и той же проблеме: «дискриминация женщин», которая в Центральной Европе и России различными способами описывается, анализируется и критикуется. Западные теоретические понятия, наверное, в России частично отклоняются, но проблемы женщин являются теми же самыми: двойное бремя работы и семейной жизни, неравная оплата, насилие, и право на физическое и сексуальное самоопределение [9, с. 355-356].

Интересно, однако, что, согласно Жеребкиной, в России никогда не было противостояния с телесностью женщин, как это было во время второй волны феминизма в Америке и Западной Европе. Но в Советском Союзе это было бы немыслимо. После распада Советского Союза, или даже с наступлением Перестройки, в славянские государства проникали западные влияния и уже давно сформированные концепции женских исследований, которые непосредственно были обозначены как тематически-определяющие. Жеребкина описала это как парадокс, что российские феминистки занимались социальной конструкцией пола с самого начала, но в своей истории никогда не обсуждали физические вопросы воспроизведения или сексуальности. Таким образом, и Жеребкина указывает на то, что западные модели играют важную роль в российских гендерных исследованиях, но, тем не менее, для исследователей является важным, иметь собственный русский способ этого научного направления [24, с. 67-77].

В России феминистская суб-дисциплина гендерной лингвистики понимается как отдельная и без любого политического интереса, в отличие от своих западных предшественников. Она своими корнями значительно отличается от своего западного аналога. Кроме того, она еще не так хорошо развита, как исследовательское направление на немецком и английском языке. Помимо хорошо известной работы *Земской, Китайгородской и Розановой* 1993-го года «*Особенности мужской и женской речи*», для исследователей, базирующихся в Вене, на самом деле никакие дальнейшие русскоязычные источники не доступны, которые занимались бы проблемой языка и пола, а есть только о гендерных вопросах в области литературы и искусства (Эберт (2004), Шоре и Chajder (2000)). Что касается западных, нерусскоязычных исследований по взаимосвязи между гендером и языком, можно назвать английский сборник под редакцией *Милса* (1999) «*Славянская Гендерная Лингвистика*» („Slavic Gender Linguistics“), который обсуждает область, пересекающуюся между славянскими языками (в основном русский) и различными гендерными вопросами. Надо отметить и дипломные работы Талера (Thaler, 2012) и Хавеля (Havel, 2013) и два произведения Тафеля (Tafel, 1997, 1999). Что касается коммуникативного поведения между мужчинами и женщинами, можно назвать работу Баура (Baur, 2005) и Ёкоямы (Yokoyama, 1999).

Работа Талера занимается вопросом российской феминистской лингвистики как «забытой дисциплины» и приходит к отрезвляющему выводу, что направление исследования, несмотря на определенные тенденции, которые указывают на сдвиг в

русской феминистской лингвистике, по-прежнему не пользуется очень большой популярностью, а о работах, связанных с различными аспектами исследований гендерной лингвистики, не может быть и речи (Thaler, 2012). Хавель (2013) в своей работе исследует прагматическо-аналитические разговоры, чтобы узнать больше о различиях русского языка мужчин и женщин (выбор слов и разговорное поведение), а также занимается исследованием системной лингвистики, чтобы выявить средства, с помощью которых мужчины и женщины названы. Она пришла к выводу, как Тафель (1997) и другие исследователи в этой области, что в русском языке существует асимметрия, касающаяся презентации женщин и мужчин (Хавель, 2013).

Помимо работ, полностью посвященных феминистской лингвистике, в соответствии с Тафелем [16, с. 517], в (классических) грамматиках можно читать о женском вопросе в языке (под заглавием «род» и «социолингвистика»). Хотя Земская и др. обнаружили различия между полами (например, более широкого использования уменьшительных в речи женщин и увеличение удлинения ударных гласных в выразительных терминах, чтобы показать эмоции), то они считаются второстепенными, так как обстоятельство пола в дополнение к, например, возрасту, социальному классу, уровню образования и т.д., является неважным.

В своей диссертации, Баур делает вывод, что женщины чаще говорят о частных вопросах, а мужчины об общественных или абстрактных темах, и что мужчины предпочитают существительные, в то время как женщины чаще используют другие части речи [2, с. 341, 353]. Тем не менее, помимо других факторов, влияющих на личную манеру женщин или мужчин говорить, Баур считает, что наиболее важным результатом ее обширной работы является «давно назревшее подтверждение существования «женской речи», исключительно предоставленной на основе языковых критериев и широкой базы данных» [2, с. 354].

В 2002-ом году Кирилина привела расследование российских печатных СМИ с точки зрения их стереотипного изображения женщин и мужчин, чтобы показать, какими языковыми средствами представлены женственность и мужественность в российских газетах. В этом случае, она обнаружила различия в представленности мужчин и женщин, которые она критикует как вклад средств массовой информации в поддержку гендерных ролей и стереотипного словаря (Талер, 2012). Из последних работ, которые относятся к фактическому языковому производству носителей русского языка, следует отметить Огиерман (2008), которая занимается культурной зависимостью языковых различий гендера и представляет контрастное исследование, в котором сравнивает извинения в английском и русском языках.

Поэтому, выше упомянутые научные работы можно рассматривать как продолжение и дальнейшее развитие публикации русских лингвистов 1993-го г. (Земская и др.) на уровне *parole* (т.е. *речь*), в то время как исследования на уровне *langue*, то есть, концепт языка в сознании людей, даже лучше представлены в российских исследованиях. Там можно найти исследования, например, статью Вайсса (Weiss 1985) «Женщина и животное в промежуточной зоне языка: дискриминационные структуры славянских языков» („*Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slavischer Sprachen*“), которая указывает на подпредставительство женщин в русском языке [16, с. 47], или работу 1988-го года о лексической теории прототипов, которая отмечает, что слово «человек» в некоторых контекстах не связано с женщиной. Вероятно, наиболее важная публикация в области указания лица (спортсменка, профессорша, юристка, англичанка и т.д.) в славистике на немецком языке – «Женщина в зеркале русского языка» 1997-го года Карина Тафеля, в которой она, используя много примеров, рассматривает способы, которыми на русском языке можно говорить о женщинах и мужчинах.

После первоначальной внешней сдержанности, гендерные исследования в настоящее время также в славянской лингвистике являются прочными. Они в

постсоциалистическом пространстве поддерживаются сами по себе социально-политическими изменениями и находятся по сей день под сильным влиянием гендерных исследований США и Западной Европы. Славянская гендерная лингвистика характеризуется широким спектром отношений, и тем не менее, краткий обзор отсутствует.

Гендерная лингвистика – не герметично законченная субдисциплина. Вопросы о том, как традиционная и доминирующая сегодня концепция общества и пола выражается по лингвистическому характеру, как язык как конститутивная среда поддерживает идею общества и пола и, как изменилось отношения между обществом, полом и языком в последнее время. Но отношения языка и пола можно описать только путем встраивания в социально-культурный контекст исследований.

В 60-е годы 20-го столетия традиционный подход к воспитанию детей в школах был подвергнут критике зарубежными учеными в рамках так называемой «критической педагогики». Французский философ Л.Альтюссер в книге «Идеология и идеологические аппараты государства» продемонстрировал, что школа является не средством адаптации человека к обществу, а средством воспроизводства общественных отношений, то есть инструментом насаждения идеологических стереотипов господствующего в обществе класса и социального неравенства.

В дальнейшем в «критической педагогике» выделилось новое направление, получившее название «феминистской педагогики», основным предметом внимания которой стали не классовые, а межполовые отношения. «Феминистские педагоги» считают, что школьные уроки ориентированы на закрепление традиционных половых ролей. М.Макдональд отмечает в связи с этим, что «школьное образование переносит в умы обучаемых определенный гендерный код, посредством которого гендерная идентичность и гендерная роль индивида конструируется в рамках школьной системы классификации».

К сожалению, в России гендерные педагогические исследования пока не получили должного распространения, хотя, для зарубежной гуманитарной науки это уже сложившееся и перспективное направление научных исследований. Однако в этом вопросе есть обнадеживающие подвижки. В рамках педагогического профессионального образования в некоторых вузах России созданы кафедры феминологии (Петрозаводский, Архангельский и Ивановский государственные университеты, Московский государственный социальный университет). Начато изучение новой учебной дисциплины «Гендерология и феминология».

Список литературы:

1. Barta, Peter I. (Hrsg.). Gender and Sexuality in Russian Civilisation. London: Routledge. 2001.
2. Baur, Natalija. Russische Frauensprache - Feministisches Postulat oder Wirklichkeit? Empirische Untersuchung anhand russischer Talkshows. Hamburg: Dr. Kovač. 2005.
3. Cameron, Deborah. Feminism and Linguistic Theory. London: Macmillan. 1990.
4. Comrie, Bernhard; Stone Gerald; Polinsky Maria. The Russian Language in the Twentieth Century. Oxford: Clarendon Press. 1996.
5. Doleschal, Ursula. Genus als grammatische und textlinguistische Kategorie. Eine kognitiv-funktionalistische Untersuchung des Russischen. Dissertation an der Universität Wien. 1993.
6. Frumin I.D. Vyzov kritičeskoj pedagogiki. Voprosy filosofii. 1998. № 12. S.59.
7. Garstenauer, Therese. Geschlechterforschung in Moskau. Expertise, Aktivismus und Akademie. Wien: Lit Verlag. 2010.
8. Gendernye issledovanija v Rossii i SNG. Kto est' kto: Spravočnik/ Redaktor-sostavitel' Z.A.Chotkina. – M., 2000.
9. Godel, Brigitta. Auf dem Weg zur Zivilgesellschaft. Frauenbewegung und Wertewandel in Rußland. Frankfurt: Campus Verlag. 2002.

10. Köbberling, Anna. Zwischen Liquidation und Wiedergeburt. Frauenbewegung in Rußland von 1917 bis heute. Frankfurt: Campus Verlag. 1993.
11. Mills, Margaret H. (Hrsg.). Slavic Gender Linguistics. Amsterdam: John Benjamins. 1999.
12. Ogiermann, Eva. "On the culture-specificity of linguistic gender differences: The case of English and Russian apologies." In: Intercultural Pragmatics (5-3), 259-286. 2008.
13. Rampton, Martha. "The Three Waves of Feminism". In: Pacific (41-2), Online:http://www.pacificu.edu/magazine_archives/2008/fall/echoes/feminism.cfm (03.03.2014). 2008.
14. Schoenthal, Gisela. Feministische Linguistik – Linguistische Geschlechterforschung. Ergebnisse, Konsequenzen, Perspektiven. Hildesheim: Georg Olms Verlag. 1998.
15. Šore, Elisabet; Chajder, Karolin (Hrsg.). Pol, gender, kul'tura. Nemeckie i russkie issledovanija. Moskva: Rossijskij Gosudarstvennyj Gumanitarnyj Universitet. 2000.
16. Tafel, Karin. Die Frau im Spiegel der russischen Sprache. In der Reihe: Slawistische Studienbücher (Hrsg.: Jachnow, Helmut und Seemann, Klaus-Dieter - Bd. 7). Wiesbaden: Harrassowitz. 1997.
17. Tafel, Karin. „Russische Sprache und Sexus“. In: Jachnow, Helmut (Hrsg.). Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden: Harrassowitz. 1999.
18. Ušakin S.V. Pol kak ideologičeskij produkt. Čelovek. 1997. № 2. S.62 -75; An introduction to women's studies / Ed. By D.Mados – Jones & J.Coates. Oxford: Blackwell Publishers, 1996. P.74 -75.
19. Vvedenie v gendernye issledovanija: Učebnoe posobie. – M.: MGU, 2000. –S.202.
20. Weiss, Daniel. „Frau und Tier in der sprachlichen Grauzone: diskriminierende Strukturen slavischer Sprache“. In: Slawische Linguistik (1984). Referate des X. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. München, 317-358. 1985.
21. Weiss, Daniel. „Kurica ne ptica, (a) baba ne čelovek“. In: Slawistische Beiträge (Bd. 230). München: Otto Sagner, 413-441. 1988.
22. Yokoyama, Olga T. "Russian genderlects and referential expressions". In: Language in Society (28-3), 401-429. 1999.
23. Zemskaja, E. A.; Kitajgorodskaja, M. V.; Rozanova, N. N. "Osobennosti mužskoj i ženskoj reči". In: Vinokur, T. G. et al. (Hrsg.). Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt. Moskva, 90-136. 1993.
24. Zherebkina, Irina. "On the performativity of gender: Gender Studies in post-soviet higher education". In: Studies in East European Thought (55), 63-79. 2003.
25. Zonova, Tat'jana. "Gendernyj faktor v politike i diplomatii". In: Meždunarodnye processy. 2012.